

этомъ, кажется, никто не станетъ спорить. Пусть же знающіе люди покажутъ и разъяснятъ, отчего оно? Вопросъ очень важенъ и стоить того, чтобы о немъ подумать. Пока онъ не выяснится, мы все будемъ ходить въ потемкахъ“.

Къ этимъ темамъ въ разговорѣ съ моимъ отцомъ прибавились новыя—о злосчастномъ выстрѣлѣ Каракозова, 4-го апрѣля 1866 г., и о современныхъ внѣшнихъ европейскихъ событіяхъ. Въ 1866 г. шла ожесточенная борьба между Пруссіей и Австріей. Рѣшалась одна изъ важнѣйшихъ европейскихъ историко-политическихъ дилеммъ: кому изъ континентальныхъ державъ первенствовать въ т. наз. „европейскомъ концертѣ“. Политическое равновѣсіе нарушалось. Безусловное господство въ Европѣ Франціи, приобрѣтенное Наполеономъ III послѣ войнъ Крымской и Итальянской, колебалось. Завершалась завѣтная мечта итальянскихъ патріотовъ—объединеніе Апеннинскаго полуострова, а кѣнигсгрецкая побѣда пруссаковъ надъ австрійцами являлась уже грозной предлюдіей Седана и Парижа. Начинались патріотическія движенія среди грековъ и славянъ, подчиненныхъ Турціи, являясь предвѣстниками новаго возбужденія въ европейской дипломатіи т.-наз. Восточнаго вопроса.

При чуткости Кавелина къ общественнымъ явленіямъ современности, всѣ эти важныя событія занимали его чрезвычайно. Онъ былъ до глубины души возмущенъ безумствомъ 4-го апрѣля и передавалъ любопытныя подробности о впечатлѣніи, которое произвелъ выстрѣлъ Каракозова на всѣ классы петербургскаго населенія. О перестановкѣ политическихъ центровъ въ Европѣ говорилъ онъ также много, причемъ съ большой антипатіей относился ко всѣмъ главнымъ дѣйствующимъ лицамъ европейской политической распри—и къ Наполеону III, и къ Бисмарку, и къ Францу-Иосифу. Симпатіи его стояли на сторонѣ Италіи и славянъ Балканскаго полуострова. Восточный вопросъ онъ считалъ вопросомъ русскимъ по преимуществу, но не съ точки зрѣнія панславистскихъ теорій московскихъ славянофиловъ разныхъ отѣнковъ. Такой панславизмъ онъ признавалъ химерой, но сочувственно относился къ стремленію южныхъ славянъ сбросить съ себя турецкое ярмо и находилъ дѣятельную роль Россіи въ этомъ отношеніи безусловно необходимой и неизбѣжной. Онъ съ энтузіазмомъ указывалъ на Сѣверо-американскіе Штаты, какъ на естественнаго нашего союзника въ борьбѣ съ Англійей при рѣшеніи Восточнаго вопроса. Онъ проводилъ параллель между Россіей и Америкой, какъ между двумя новыми мірами, имѣющими много общаго, которые, при соединеніи другъ съ другомъ, наведутъ ужасъ на западно-европейскія правительства.